

V 38
242

У 38
242

Ф 10-81
454

А ✓

ТЕОРІЯ ПОЭЗІИ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ
У ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ НАРОДОВЪ.

Р. А. Степановъ.

СОЧИНЕНІЕ,

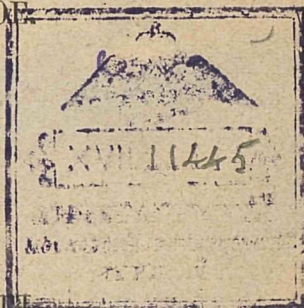
ПИСАННОЕ НА СТЕПЕНЬ ДОКТОРА ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ПЕРВАГО
ОТДѢЛЕНІЯ

АДЪЮНКТОМЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

СТЕПАНОМЪ ШЕВЫРЕВЫМЪ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

1812
1917

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1887.

А

Ä

2007056809

Ä

Всѣ явленія міра человѣческаго должны были совершиться въ дѣйствіи, прежде нежели перешли въ знаніе. Человѣкъ уже стремился къ истинѣ, уже дѣйствовалъ и творилъ изящное, прежде нежели спросилъ себя о томъ: какъ должно стремиться къ истинѣ? по какому закону дѣйствуетъ его воля? какъ является изящное въ искусствѣ?

Искусство было прежде теоріи. Не искусство было слѣдствіемъ теоріи, а теорія слѣдствіемъ искусства. Эта истина подтверждается опытами всѣхъ вѣковъ и народовъ. Міръ востока, древній и новый, богатъ произведеніями поэзіи во всѣхъ родахъ, однако мы не знаемъ его піитики. Въ Греціи наука поэзіи явилась уже тогда, когда всѣ произведенія были на лицо и кругъ поэтическаго развитія совершенно заключился. Въ новомъ мірѣ Европы, который принялъ въ наслѣдіе піитику древнихъ, всѣ великія произведенія Италіи, Испаніи и Англіи явились безъ участія науки. Дантъ, Лопе де Вега, Калдеронъ и Шекспиръ дѣйствовали безъ теоріи. Во Франціи теорія слишкомъ рано явившаяся только что стѣснила художественную дѣятельность и произвела вліяніе, вредное для Словесности. Все это, во первыхъ, убѣждаетъ насъ въ истинѣ, нами сказанной, во вторыхъ, какъ-будто говорить противъ той самой науки, исторію которой я намѣренъ изложить. Къ чему же, въ самомъ дѣлѣ, служить эта наука, когда всѣ образцы поэзіи явились до нея и

безъ малѣйшаго ея содѣйствія? Скорѣе можемъ мы заключить, что она вредна, потомучто у нѣкоторыхъ народовъ стѣснила поэтическую дѣятельность.

Да, точно, это явленіе говоритъ противъ догматической формы науки, противъ положительныхъ кодексовъ, заключающихъ въ себѣ условныя правила, стѣснительныя для искусства; но нисколько не говоритъ оно противъ сущности самой науки, которая заключается въ изученіи самыхъ явленій и изслѣдованіи законовъ, управляющихъ поэтическою дѣятельностью человѣка. Вопросъ о томъ, полезна ли какая-нибудь наука, въ наше время существовать не можетъ. Если эта наука есть, а наука поэзіи должна быть, потомучто міръ явленій ея составляетъ такую огромную часть въ жизни человѣческой,—то она полезна и необходима, ибо врождено человѣку отдавать себѣ разумный отчетъ во всѣхъ явленіяхъ, имъ совершаемыхъ, и стараться привести ихъ къ единству закона, ими управляющаго. Безусловныя правила, предложенныя въ видѣ науки, могутъ быть вредны для искусства, какъ это и было во Франціи; но эстетическое самопознаніе человѣка никогда не можетъ быть практически вредно для искусства. Хотя вопросъ о прямой пользѣ науки для того искусства, которое служить ей предметомъ, долженъ быть отдѣленъ отъ вопроса о необходимости этой науки въ общей массѣ знаній человѣческихъ; но мы можемъ привести въ Исторіи Свовесности примѣръ разительный, которымъ вопросъ о пользѣ практической разрѣшается вмѣстѣ въ вопросомъ о необходимости. Этотъ примѣръ Германія. Она въ новомъ мірѣ есть создательница теоріи искусства и собою доказываетъ ту же истину, съ которой мы начали, а именно, что теорія является послѣ образцовъ искусства. Германія, заключившая собою кругъ западнаго Европейскаго образованія, олицетворила въ себѣ эстетическое самопознаніе новой Европы, создала насто-